

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/wlbvqa>

Интерференция в русской речи носителя немецкого языка (на материале интернет-интервью)

Шишигин Кирилл Александрович

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 3244-1608

<https://orcid.org/0000-0003-1889-0665>

Scopus Author ID: 56896157800

schischigin-ka@rambler.ru

Балабас Наталья Николаевна

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 2043-2430

<https://orcid.org/0000-0003-2572-5684>

Scopus Author ID: 57211977042

Лебедева Наталья Борисовна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 7299-1161

<https://orcid.org/0000-0002-1515-3750>

Scopus Author ID: 56895702400

Аннотация: Цель статьи – проанализировать обусловленные интерференцией разноуровневые речевые ошибки, которые в интернет-интервью допускает носитель немецкого языка, говорящий на выученном им во взрослом возрасте русском языке. Интервьюируемый показывает владение этим языком на уровне C2 (уровень образованного носителя). Материал – двухчастное интернет-интервью, размещенное в видеоблоге Deutschklasse на хостинге YouTube. Авторское исследование продолжает традицию изучения билингвизма и интерференции, рассматривает современные лингводидактические проблемы *ляпсологии* на базе актуального для фундаментальной и прикладной лингвистики – виртуального – материала. Применены субъективный метод, фонетическая транскрипция с использованием Международного фонетического алфавита, сопоставительный метод (на уровне фонетики), метод глоссирования, или лейпцигской системы нотации (на грамматическом, словообразовательном и лексическом уровнях). Отмечено, что ошибки в речи интервьюируемого немногочисленны (в среднем 1,05 на минуту речи) и в основном могут быть сведены к немецко-русской интерференции: 1) диафонные ошибки (фонетическая интерференция, 0,77 ошибок на минуту речи) не влияют на понимание смысла; 2) диаморфные ошибки (грамматическая интерференция, 0,25 ошибок на минуту речи) также не влияют на понимание смысла; 3) только три диалексные ошибки (лексическая и словообразовательная интерференция, 0,03 ошибки на минуту речи) осложняют понимание речи в незначительной мере. Результаты исследования имеют не только фундаментальную языковедческую, но и прикладную лингводидактическую значимость.

Ключевые слова: интерференция, билингвизм, интерференционная ошибка, диафония, диалексия, диаморфия, русский язык, немецкий язык, интернет-интервью, лингводидактика

Цитирование: Шишигин К. А., Балабас Н. Н., Лебедева Н. Б. Интерференция в русской речи носителя немецкого языка (на материале интернет-интервью). *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2025. Т. 4. № 3. С. 312–328. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-312-328>

Поступила в редакцию 14.04.2025. Принята после рецензирования 15.05.2025. Принята в печать 16.05.2025.

full article

Interference Features in the Russian Speech of a German Native Speaker in Internet Interviews

Kirill A. Shishigin

Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 3244-1608

<https://orcid.org/0000-0003-1889-0665>

Scopus Author ID: 56896157800

schischigin-ka@rambler.ru

Natalia N. Balabas

Plekhanov Russian University of Economics, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 2043-2430

<https://orcid.org/0000-0003-2572-5684>

Scopus Author ID: 57211977042

Natalia B. Lebedeva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 7299-1161

<https://orcid.org/0000-0002-1515-3750>

Scopus Author ID: 56895702400

Abstract: The native language interference causes multilevel speech errors in the non-mother tongue. This research featured mistakes made by a native German speaker in a Russian online interview to Deutschklasse YouTube vlog. The respondent learned Russian in adulthood and is a certified proficiency speaker (C2). The features of bilingualism and interference were examined through the concepts of modern linguistic and didactic issues of *lapsology*, or *erratology*, in virtual environment, which is a relevant area of fundamental and applied linguistics. The methodology included the subjective method, the method of phonetic notation (International Phonetic Alphabet), the method of comparative phonetics, and the glossary method (Leipzig glossing rules), which were applied to grammar, word-formation, and vocabulary. The interviewee made few mistakes (1.05 per minute). These mistakes could be reduced to German-Russian interference. The diaphonic errors (phonetic interference, 0.77 per minute) did not hinder the understanding, and neither did the diamorphic errors (grammatical interference, 0.22 per minute). There were only three dialectical errors (lexical and word-formation interference, 0.03 per minute) that hindered the understanding to a minor extent. The research results had a fundamental, applied, and didactic relevance.

Keywords: interference, bilingualism, interference error, diaphony, dialexy, diamorphy, Russian language, German language, Internet interview, didactic linguistics

Citation: Shishigin K. A., Balabas N. N., Lebedeva N. B. Interference Features in the Russian Speech of a German Native Speaker in Internet Interviews. *Virtual Communication and Social Networks*, 2025, 4(3): 312–328. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-3-312-328>

Received 14 Apr 2025. Accepted after review 15 May 2025. Accepted for publication 16 May 2025.

Введение

Цель статьи – проанализировать обусловленные интерференцией разноуровневые речевые ошибки, которые в интернет-интервью допускает носитель немецкого языка, говорящий на выученном им во взрослом возрасте русском языке (уровень владения русским языком C2).

Исследование, проведенное на материале дистанционного видеоподкаста, находящегося в открытом

доступе в Интернете, обладает актуальностью, т. к., во-первых, продолжает традицию изучения *билингвизма* и *интерференции* (см. основополагающие труды [Вайнрайх 1972; 1979; Верещагин 2014; Щерба 1974: 60–74, 313–318]). Во-вторых, рассматривает актуальные лингводидактические проблемы *ляпсологии* – науки об ошибках, типология которых разрабатывается на протяжении многих десятилетий

вплоть до настоящего времени (см. работы по анализу и типологии межъязыковых ошибок [Дебрени 2007; Щерба 1974: 366–379; Nickel 1971; Veijonen 2008]). В-третьих, находится в русле современных исследований, проводимых на виртуальном материале и разрабатывающих новые научные направления, такие как изучение социальных сетей и, в частности, виртуального диалогического дискурса [Голев 2021; 2023; Голев, Ким 2023], компьютерная педагогика, цифровая методика и дидактика [Голев 2023; Селиванов 2009; Шилова 2020].

С учетом специфики выбранного материала и для описания результатов исследования авторы пользуются следующими понятиями и терминами:

1. Для описания билингвизма:

1) *индивидуальный билингвизм* – употребление индивидуумом двух языков, «каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией» [Зограф 1990]; «практику попеременного пользования двумя языками мы будем называть двуязычием, а лиц, ее осуществляющих, двуязычными» [Вайнрайх 1979: 22], или билингвами;

2) *синтезированный билингвизм* – социологический тип двуязычия, которое складывается, когда естественные условия освоения вторичного языка (естественная потребность в коммуникации «без целенаправленного воздействия на становление данного умения» [Верещагин 2014: 44]) и искусственные условия (освоение вторичного языка на специальных занятиях «при условии активного и сознательного воздействия на становление данного умения» [Там же: 45]) соединяются вместе.

2. В сфере описания интерференции и обусловленных ей ошибок:

1) *интерференция* – «случаи отклонения от норм данного языка, появляющиеся в речи двуязычных носителей в результате их знакомства с двумя или несколькими языками» [Хауген 1972: 62]; «понятие интерференции подразумевает переустройство моделей, являющееся результатом введения иноязычных элементов в те области языка, которые отличаются более высокой структурной организацией,

например, ядро системы фонем, большая часть морфологии и синтаксиса, некоторые области словаря» [Вайнрайх 1979: 22];

2) *диафон* – «двуязычный аллофон» [Хауген 1972: 74], фонемы первичного языка, подменяющие фонемы вторичного языка [Виноградов 1990]; соответствующие отношения именуются *диафонией*;

3) *диаморф* – «двуязычный алломорф» [Хауген 1972: 75], морфемы первичного языка, подменяющие морфемы вторичного языка [Виноградов 1990]; соответствующие отношения именуются *диаморфией*;

4) *диалекс* – двуязычный аллолекс [Там же], реализующийся ввиду «межъязыкового отождествления лексем» [Хауген 1972: 76]; соответствующие отношения именуются *диалексией* [Виноградов 1990].

Методы и материалы

На уровнях фонетики использован сопоставительный метод и метод, который Л. В. Щерба в фонетике называл *субъективным методом*. Он отмечал, что «единственным фонетическим методом является субъективный, так как мы всегда должны обращаться к сознанию говорящего на данном языке индивида» [Щерба 1974: 137]. При этом в ходе исследования мы опирались только на наше, как носителей русского языка, слуховое восприятие русскоязычной речи носителя немецкого языка, владеющего русским на уровне C2. Помимо этого, применена фонетическая транскрипция с использованием Международного фонетического алфавита¹ (МФА; *International Phonetic Alphabet* – IPA) с постановкой ударения в соответствии с Большим орфоэпическим словарем русского языка² и постановкой слогораздела в словоформах и сочетаниях слов в соответствии с рекомендациями «Русской грамматики» [Русская грамматика 1980: 22–24]. На грамматическом, словообразовательном и лексическом уровнях мы использовали сопоставительный метод, а также метод глоссирования, или лейпцигской системы нотации³.

Исследование проведено на материале двухчастного интернет-интервью⁴, размещенного в видеоблоге Deutschklasse на хостинге YouTube. Однако

¹ Handbook of the International Phonetic Association: A guide to the use of the International Phonetic Alphabet. International Phonetic Association. Cambridge: Cambridge University, 2003, 213.

² Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: нормы и ее варианты. М.: АСТ-Пресс Школа, 2018. 1024 с.

³ The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2015. URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/pdf/Glossing-Rules.pdf> (accessed 29 Mar 2025).

⁴ Как немцам жилось в советской Германии? Интервью с бывшим жителем ГДР. Часть 1. Deutschklasse. URL: <https://www.youtube.com/watch?si=hBvzEz1na-1sZM4e&v=FMFQ2lm3G6c&feature=youtu.be>; Интервью с бывшим жителем ГДР (Часть 2). Deutschklasse. Немецкий с носителем. URL: <https://youtu.be/j0jWSycwKV0?si=pRqQNCWzABvSNAb> (дата обращения: 29.03.2025).

в статье показываются и анализируются: а) только интерференционные ошибки интервьюируемого; б) только те виды речевых ошибок, которые обусловлены или с большей степенью вероятности могут быть обусловлены немецко-русской интерференцией. Тем не менее следует указать и другие речевые ошибки интервьюируемого, которые не связаны с интерференцией и относятся к грамматике, лексике и словообразованию:

- 1) неправильная падежно-числовая словоформа существительного: *много пережиток*⁵ вместо *много пережитков*;
- 2) использование согласования вместо примыкания: *возникновение такого человека, как Горбачева* вместо *появление такого человека, как Горбачев*;
- 3) в принципе допустимый окказионализм: *бабушки-дедушки* (по способу или темпу произнесения слышится как *бабушкидедушки*; в транскрипте – *бабушки-дедушки*⁶) вместо *бабушки и дедушки*.

Покажем также одно периферийное явление в речи интервьюируемого – использование в двух случаях устаревших форм: устаревшее ударение в словоформе *пи́лит* вместо современного *пи́лит* и устаревшее слово *разнообразность* вместо *разнообразие*.

Результаты

В первую очередь обозначим основные экстралингвистические параметры и речевые характеристики интервьюируемого носителя немецкого языка, говорящего на русском языке.

1. Экстралингвистическая информация и речевые характеристики интервьюируемого.

1.1. Экстралингвистическая информация (из интернет-интервью).

1.1.1. Интернет-интервью было взято/дано в 2021 г.

1.1.2. Интервьюируемый – Томас Фишер, по рождению гражданин Германской Демократической Республики (ГДР), ныне – гражданин Федеративной Республики Германии (ФРГ), доктор технических наук, профессор Бранденбургского технического университета⁷.

1.1.3. Пять лет – до 1988 г. – интервьюируемый учился в СССР, в Казани.

1.1.4. Русский язык интервьюируемый изучал в школе в ГДР, затем в вузе Казани.

1.2. Речевые характеристики интервьюируемого (наша субъективная оценка).

1.2.1. Уровень владения русским языком С2 (уровень образованного носителя), в связи с чем интервьюируемый может быть назван билингвом с синтезированным билингвизмом. Об этом свидетельствуют:

а) обычный, как у русского образованного носителя, темп речи;

б) свободное владение русским языком:

- нет длительного, с долгими паузами припоминания / подбора слов (кроме редких случаев: см. пп. 3.3);

- при говорении по-русски – мышление на русском же языке (кроме редких случаев: см. пп. 3.1);

- использование обычных для русской естественной устной речи дискурсивных слов *там, как сказать, ну, знаешь?, вот* и т.п., которые представляют собой «очень нужное средство для построения устной речи, причем средство, которое дает человеку в том числе и возможность перевести дух, расслабиться, продумать конструкцию фразы, не прекращая говорить»⁸ (также см. [Кудлик, Антонова 2018]); дискурсивные слова, как правило, при несвободном владении иностранным языком и на начальных этапах его изучения представляют «серьезную трудность для иностранных учащихся» [Шляхов, Агафонова 2022: 32], но эта трудность не проявляется в речи интервьюируемого;

- легкость переключения, т.е. интервьюируемый как «идеальный двуязычный переключается с одного языка на другой тогда, когда изменяется речевая ситуация (собеседники, тема и др.), но не прибегает к этому при постоянной ситуации, в частности в пределах одного предложения» [Вайнрайх 1972: 130] (кроме редких случаев: см. пп. 1.2.3, 3.3); это переключение и само говорение не осложняются даже определенной условностью речевой ситуации: и интервьюируемый, и интервьюер – носители немецкого языка – общаются

⁵ Здесь и далее в примерах выделено авторами статьи.

⁶ Это единственный случай обращения к транскрипту, во всех остальных случаях мы прибегали исключительно к субъективному фонетическому методу – восприятию на слух.

⁷ Название университета приведено со слов Томаса Фишера; официальное название – Бранденбургский технический университет Котбус-Зенфтенберг.

⁸ Максудов И., Плунгян В. А. «Ну» – одно из древнейших индоевропейских слов. *ПостНаука*. 18.07.2014. URL: <https://postnauka.org/talks/27774> (дата обращения: 29.03.2025).

на иностранном и изначально неродном для них русском языке;

- интонация не обладает какими бы то ни было особенностями, которые можно было бы характеризовать как интерференционные.

1.2.2. Незначительное количество ошибок, не обусловленных интерференцией (см. Методы и материалы), и интерференционных. На речь интервьюируемого, которая длится примерно 78 минут (около 90 % общей длительности двухчастного видео), приходится 82 интерференционные ошибки:

- 60 диафонных ошибок, или 73,1 % фонетической интерференции,
- 13 диалексных ошибок, или 15,9 % лексической и словообразовательной интерференции,
- 9 диаморфных ошибок, или 11,0 % грамматической интерференции.

Так:

а) общее число ошибок на минуту речи интервьюируемого составляет в среднем 1,05 (из них 0,25 приходится на диаморфные ошибки), что, по нашему мнению, представляет собой весьма незначительное количество;

б) основное число ошибок, обусловленных немецко-русской интерференцией, составляют диафоны (в среднем 0,77 ошибок на минуту речи), причем это ни в коей мере не влияет на понимание речи слушающим (и условно сравнимо с русской акцентной речью жителя Балтии во времена СССР, для которого русский язык – не родной, но вторичный, выученный в детстве или сознательном возрасте);

в) осложняют понимание речи – притом лишь в несущественной мере – только три диалексные ошибки, указанные в примерах (31), (33) и (34) в п. 3, что составляет в среднем 0,03 ошибки на минуту речи интервьюируемого.

1.2.3. Наличие самоисправлений, их легкость и естественность:

а) сказав *Это было мое представление*, интервьюируемый добавляет: *впечатление*. Здесь происходит снятие диалексии, ср. нем. *Das war meine Vorstellung*, где *Vorstellung* – «представление, впечатление»;

б) сказав *Как турист*, интервьюируемый, после небольшой паузы, добавляет: *Туристом ты другую*

страну просто не узнаешь, ср. нем. *Als Tourist lernst du das andere Land nicht kennen*, где *als Tourist* в данном контексте – «как турист, туристом»;

в) всего три раза использованы немецкоязычные вставки: *Ostblock* (после того, как интервьюируемый сказал соответствующее русское *восточный блок*), *antifaschistisch-demokratischer Schutzwall* (см. пп. 3.3.1), *Wende* (см. пп. 3.3.2); при этом немецкоязычные вставки оформлены у интервьюируемого как у «идеального двуязычного», который «при включении в речь выражений из другого языка <...> может выделять их как "цитаты": <...> в устной речи – особыми модификациями голоса (небольшими паузами, изменением темпа и др.)» [Вайнрайх 1972: 130].

Далее описание результатов исследования подается по степени убывания числа интерференционных ошибок в речи интервьюируемого: фонетическая интерференция, лексическая и словообразовательная интерференция, грамматическая интерференция.

2. Фонетическая интерференция.

2.1. Диафония, обусловленная исключительно привычкой произнесения подобной фонемы / группы фонем / фонетического явления на родном немецком языке.

2.1.1. Русский веляризованный латеральный альвеолярный аппроксимант /ɭ/ (на письме обозначаемый буквой *л*) реализуется в основном как диафон – по немецкой произносительной привычке как латеральный альвеолярный аппроксимант [l]. При этом в одном случае в интернет-интервью – в словоформе *выпивал* – аллофон /ɭ/ произносится интервьюируемым без интерференции – как веляризованный латеральный альвеолярный аппроксимант [ɭ]:

- (1) рус. *был* /'bɪɭ/ > инт. ['bɪl]⁹;
рус. *выпивал* /vɪ.pjɪ.'vaɭ/ = неинт.¹⁰ [vɪ.pjɪ.'vaɭ].

2.1.2. Глухой ретрофлексный сибилант /ʂ/ (на письме обозначаемый как *ш*), в том числе как палатализованный в составе аффрикаты /tʂi/ (на письме

⁹ Здесь и далее в примерах сокращения рус. и инт. обозначают русское и интерферируемое соответственно; русская транскрипция дается в косых скобках, транскрипция слов с диафонами – в квадратных [ср.: Бондарко и др. 1991: 130–131]; знак правонаправленной треугольной стрелки используется для обозначения «звукового изменения» [Богородицкий 1959: 7], т.е. для обозначения перехода русского аллофона в интерферируемый диафон, например: рус. /'bɪɭ/ > инт. ['bɪl] означает русский аллофон /ɭ/ произносится как диафон [l] (аллофон и диафон выделены жирным шрифтом).

¹⁰ Здесь и далее в примерах знак равенства с сокращением неинт. (равно неинтерферируемому) означает, что указанная русская словоформа или анализируемые в ее составе аллофоны произносятся интервьюируемым без интерференции.

обозначаемой как *ч*), реализуется в результате немецкой интерференции в качестве глухого постальвеолярного сибиланта [ʃ], в том числе в составе аффрикаты как [tʃ]:

- (2) рус. *школа* /'sko.la/ > инт. [ʃko.la];
рус. *человек* /tʃe.la.'vek/ > инт. [tʃe.la.'vek];
рус. *Горбачев* /gɒ.rba.'tʃɒf/ > инт. [gɒ.rba.'tʃɒf];
рус. *на учебу* /nɒ.u.'tʃɒ.bu/ > инт. [nɒ.u.'tʃɒ.bu].

Таким образом, в слове *школа* интерференция обуславливает две ошибки (диафон [ʃ] на месте аллофона /s/, [l] на месте /l/), а в слове *человек* – три ошибки (аффриката-диафон [tʃ] на месте аффрикаты-аллофона /tʃ/, [l] на месте /l/, непалатализованный диафон [v] на месте палатализованного аллофона /vi/).

2.1.3. Звонкий постальвеолярный сибилант [ʒ] (на письме обозначаемый как *ж*) произносится как звонкий ретрофлексный сибилант /ʒ/:

- (3) рус. *режима* /rɛ.'ʒi.mə/ > инт. [re.'zi.mə].

2.1.4. Глухой альвеолярный сибилант /s/ (на письме обозначаемый как *с*) в позиции перед гласными иногда произносится как звонкий альвеолярный сибилант [z]:

- (4) рус. *интенсивно* /in.ten.'sʲi.vnə/ >
инт. [ʔin.ten.'zi.vnə].

2.1.5. Неаспирируемые согласные /p, t, k/ (на письме обозначаемые как *п – б, т – д, к – з*) реализуются со слабой аспирацией как [p^h, t^h, k^h]:

- (5) рус. «*Спутник*» /'spu.tɪn'ɪk/ > инт. ['sp^hot^h.nɪk^h];
рус. *когда* /'kɒ.'gda/ > инт. [k^hak^h.'da];
рус. *как* /'kak/ > инт. [k^hak^h];
рус. *водка* /'vo.tkɒ/ > инт. [vɒt^h.k^hɑ].

Что касается произнесения слова *водка* с аспирированными [t^h, k^h], то интервьюируемый носитель немецкого языка сразу же исправляется (очевидно осознав, что произнес его с полностью немецким консонантизмом и вокализмом, как, собственно, и название журнала *Спутник*) и произносит слово повторно – уже без аспирации, как ['vo.tkɒ].

2.1.6. Русские геминаты (на письме обозначаемые удвоенными согласными или некоторыми сочетаниями согласных букв) в составе слова, как правило, упрощаются до кратких – соответственно литературному немецкому произношению, при котором согласные, обозначаемые на письме удвоенными буквами, в составе одной и той же морфемы произносятся как краткие (простые) либо соответственно немецкому литературно-разговорному произнесению, при котором геминаты также реализуются как краткие:

- (6) рус. *прессы* /'pre.sɪ/ > инт. ['pre.sə];
рус. *пенсионного* /pɪn'ɪ.sjɪ.'o.n:ɒ.və/ >
инт. [pen.sɪ.'o.nɒ.və];
рус. *позже* /'po.ʒ:ə/ > инт. ['po.ʒə].

2.1.7. Напряженный неогубленный гласный переднего ряда верхнего подъема /i/ в безударной позиции после палатализованных согласных (на письме обозначаемый как *е* либо *и*) в речи интервьюируемого реализуется как диафоны: либо по немецкой произносительной привычке – как напряженный неогубленный гласный переднего ряда средне-верхнего подъема [e:], полудолгий в позиции не под ударением, без палатализации предшествующего согласного; либо как ненапряженный неогубленный гласный переднего ряда верхнего подъема [i], так же без палатализации предыдущего согласного:

- (7) рус. *Перестройка* /pɪ.rɪ.'stroj.ka/ >
инт. [pe'.re'.stroj.ka];
рус. *в Казани* /fka.'za.ni/ > рус. [fka.'za.ni].

2.1.8. Редуцированные гласные произносятся интервьюируемым без редукции в следующих случаях:

а) редуцированный аллофон /ə/ в безударных окончаниях (на письме обозначаемый как *о*)¹¹ реализуется как нередуцированный диафон [o] или полудолгий диафон [oː]:

- (8) рус. *ребенком* /rɛi.'bɪɒn.kəm/ > инт. [reb.'ʃɒn.kom];
рус. *просто* /'pro.stə/ > инт. ['pro.stoː];
рус. *бабушкой* /'ba.bu.ʃkɒj/ > инт. [ba.bu.'ʃkɒj];
рус. *плохо* /'plo.xə/ > инт. ['plo.xoː];

¹¹ Однако важно отметить, что в позиции, нехарактерной для немецкого литературного произношения, интервьюируемый произносит редуцированный [ə]: рус. *запахом* /'za.pɒ.xəm/ = неинт. [ʔa.pɒ.xəm].

б) редуцированный аллофон /i/ в безударной позиции (на письме обозначаемый как *e*) реализуется как нередуцированный диафон [e]:

- (9) рус. *человеческих* /tʃɛ.ʲɪ.ʲɫɐ.ˈvʲe.tʃɛ.skʲɪx/ > инт. [tʃɛ.ʲɪ.ʲɫɐ.ˈvʲe.tʃɛ.skʲɪç].

2.1.9. В русском литературном произношении гортанная смычка представляет собой малораспространенное факультативное фонетическое явление: она произносится, например, в очень небольшом количестве слов с междометной функцией типа *не-а* /nʲe.ʔɐ/. В анализируемом интернет-интервью слова с гласным аллофоном в абсолютном начале слова, в том числе на границе слов, интервьюируемым иногда произносятся со слабой гортанной смычкой перед этой гласной:

- (10) рус. *их* /ʲix/ > инт. [ʲɪç];
рус. *это уже* /ʲɛ.tə.ʲu.ˈzʲe/ > инт. [ʲɛ.tə.ʲu.ˈzʲɛ].

2.1.10. Одним из средств эмпазы в русском литературном произношении является эмпатическое ударение, в частности когда – при противопоставлении двух слов или понятий – более сильное ударение ставится на ударный слог с удлинением гласного одного из этих слов. В немецком литературном произношении эмпатическое ударение при противопоставлении реализуется, в частности, посредством дополнительного, более сильного, ударения на первом слоге¹². В следующей фразе интервьюируемый ставит по немецким правилам два ударения: эмпатическое – на первом слоге и побочное – на слоге, который является ударенным при стандартном произношении слова, обозначающего первое из двух противопоставляемых понятий: *Мы на переходе от капитализма к коммунизму*:

- (11) рус. *от капита"лизмa к коммунизму* > инт. *от "капита'лизмa к коммунизму*.

2.2. Диафония, исключительно обусловленная отсутствием подобной фонемы или фонетического явления в родном – немецком – языке интервьюируемого.

2.2.1. Русский долгий глухой альвеоло-палатальный сибилант /ʃ:/ (на письме обозначаемый буквой *щ* и диграфами *сч* и *жч*) реализуется как диафон –

краткий глухой постальвеолярный сибилант [ʃ], имеющийся, в отличие от /ʃ:/, в немецком:

- (12) рус. *ощущалось* /ʌ.ʃʲ:u.ʲʃʲ:a.ʲɫəsʲ/ > инт. [ʌ.ʃu.ʲʃa.ʲɫəsʲ];
рус. *еще* /jɪ.ˈn:o/ > инт. [ʲɪ.ˈʃo];
рус. *счет* /ʃʲ:ot/ > инт. [ʲʃot];
рус. *мужчин* /mu.ʲʃʲ:in/ > инт. [mu.ʲʃin].

В одной словоформе – *движущая* – русский долгий аллофон /ʃʲ:/ был произнесен как долгий диафон [ʃʲ:]: рус. /ˈdvʲɪzʊʃʲ:ɐ.ʲɫɐ/ > инт. [ˈdvʲɪ.zu.ʃʲ:ɐ.ʲɫɐ].

2.2.2. Палатализованные согласные аллофоны интервьюируемый обычно произносит как непалатализованные согласные диафоны:

а) перед гласными переднего ряда:

- (13) рус. *в Казани* /fka.ˈza.nʲi/ > инт. [fka.ˈza.nɪ];
рус. *кстати* /ˈksta.tʲi/ > инт. [ˈksta.tɪ];
рус. *автобусами* /a.ˈfto.bu.sɐ.nʲi/ > инт. [a.ˈfto.bu.sɐ.mɪ];
рус. *дедушки* /ˈdʲe.du.ʂkʲi/ > инт. [ˈdʲe.du.ʃkʲɪ];

б) на месте не обусловленных позиционно палатализованных согласных:

- (14) рус. *боялись* /bɐ.ˈjɐ.ʲɫɪsʲ/ > инт. [bɐ.ˈjɐ.ʲɫɪs];
рус. *пять* /ˈpʲatʲ/ > инт. [ˈpʲat].

Однако следующие словоформы интервьюируемый произнес по-русски чисто, без немецкой диафонии, в том числе с требуемой палатализацией согласных:

- (15) рус. *смотреть* /smɐ.ˈtrʲɪ.ˈetʲ/ = неинт. [smɐ.ˈtrʲɪ.ˈetʲ];
рус. *нельзя* /nʲe.ˈʲɪzʲɐ/ = неинт. [nʲe.ˈʲɪzʲɐ];
рус. *сухим* /su.xʲim/ = неинт. [su.xʲim];
рус. *выпивал* /vi.pʲi.ˈvaʲ/ = неинт. [vi.pʲi.ˈvaʲ].

2.2.3. Нейотированные гласные аллофоны /a, o, u/ после палатализованных согласных (на письме обозначаемые буквами *я, е, ю*) в речи интервьюируемого реализуются преимущественно как слабо йотированные диафоны – восходящие дифтонги [ja, jo, ju], без палатализации предшествующего согласного, с изменением слогораздела:

- (16) рус. *гостями* /gɐ.ˈsʲtʲɪɐ.mʲi/ > инт. [gɐst.ˈjɐ.mɪ];
рус. *ребёнком* /rʲi.ˈbʲjɔn.kəm/ > инт. [rɛb.ˈʲɔn.kom];
рус. *людю* /ʲɫɐ.ˈdʲi/ > инт. [ʲɫ.ˈju.dɪ].

¹² Duden. Aussprachewörterbuch. Wörterbuch der deutschen Standardausprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1990, 799.

При этом слово *порядочно* произнесено с сильной йотацией: рус. /рл.'rʲa.dʲa.tʲɪnʌ/ > инт. [рлг.'jʌdʲa.tʲɪnə].

2.2.4. Неогубленный гласный среднего ряда верхнего подъема /i/ (на письме обозначаемый как *ы* и *и*) реализуется в речи интервьюируемого трояко:

а) как звук шва [ə] после глухого ретрофлексного сибиланта [ʂ] (последний при этом реализуется как глухой постальвеолярный сибилант [ʂ/]):

(17) рус. *машины* /ma.'ʂi.nə/ > инт. [ma'.fə.nə];

б) как ненапряженный гласный переднего ряда верхнего подъема [i]:

(18) рус. *был* /'bi/ > инт. ['bi];

в) как напряженный гласный переднего ряда верхнего подъема [i] после звонкого постальвеолярного сибиланта [ʒ] (последний при этом реализуется как звонкий ретрофлексный сибилант [ʒ/]):

(19) рус. *режима* /rʲi.'zʲi.mə/ > инт. [re.'zi.mə].

При этом в последующем в интернет-интервью аллофон /i/ реализуется без интерференции:

(20) рус. *выпивал* /vi.pʲi.'va/ = неинт. [vi.pʲi.'va].

Неустойчивость неинтерферируемого произнесения аллофона /i/ подчеркивается тем, что аллофон /i/ в одной и той же фразе – при этом в одной и той же словоформе – был произнесен интервьюируемым и как [i], и как [i]:

(21) рус. *были* /'bi.ɫi/ > инт. ['bi.ɫi];
рус. *был(и)*¹³ /'bi.ɫ(i)/ = неинт. ['bi.ɫ(i)].

2.3. Диафония, обусловленная позиционно.

2.3.1. Ввиду различия дополнительной дистрибуции в родном и неродном языке интервьюируемого: глухой велярный спилант [x], имеющийся в немецком, после напряженного гласного переднего ряда верхнего подъема [i] (на письме обозначаемого как *и*) реализуется как диафон – глухой палатальный спилант [ç], поскольку в литературном немецком произношении [x] никогда не встречается в подобной позиции, но после ненапряженного гласного переднего ряда верхнего подъема [i] реализуется только как аллофон [ç]:

(22) рус. *от них* /ot.'nʲix/ > инт. [ʔot.'niç];
рус. *человеческих* /tʲɕi.ɫʲa.'vie.tʲɕə.skʲix/ >
инт. [tʲɕe.ɫʲa.'vie.tʲɕə.skʲiç].

2.3.2. Звонкий согласный аллофон в начале слова или слога подвергается оглушению и произносится как глухой или частично оглушенный согласный диафон – по законам немецкой ассимиляции:

(23) рус. *с бабушкой* /'zba.bu.ʂkʲə/ > инт. ['sbʲa.bu.ʂkʲə];
рус. *когда* /'kl.'gda/ > инт. [kʰakʰ.'da];
рус. *забор* /za'bor/ > инт. [zʲa'bor].

В предложной словоформе *с бабушкой* имеет место, с одной стороны, очевидная первичность письма по отношению к звучащей речи при овладении неродным языком, и тем самым прослеживается влияние письма на устную речь: в немецком литературном произношении не допускается озвончение глухих согласных, и, соответственно, буквы, обозначающие глухие звуки, не могут произноситься звонко. Поэтому в данном случае имеет место диафония: звонкий аллофон /z/ > глухой диафон [s] (ср. рус. *здесь* /'zɕesʲi/ > инт. ['zɕesʲi] с написанием через букву з). С другой – данное диафонное изменение порождает прогрессивную ассимиляцию рус. [s] > инт. [ʂ], т.е. глухой диафон [s] вызывает переход звонкого аллофона /b/ в частично оглушенный диафон [p̥]. При произнесении слова *когда* также происходят определенные явления, обусловленные немецкой интерференцией: оглушение рус. /g/ > инт. [kʰ] в конце слога и прогрессивная ассимиляция (частичное оглушение рус. /d/ > инт. [t̥]).

При этом необходимо отметить: диафония становится практически неизбежной, т.к. соположение согласных /zb/ и /gd/ в немецком языке невозможно, но частотны соположения /sp/ и /kt/ (которые не встречаются в абсолютном начале слова и едва отличимы от [sb̥] и [kt̥] для носителей других языков, кроме немецкого), и в небольшом количестве заимствований возможны /sɕ/ и /kɕ/, а также /sq/.

Под влиянием литературно-разговорного немецкого произношения происходит частичное оглушение в абсолютном начале слога:

(24) рус. *туда* /tu.'da/ > инт. [tu.'t̥da].

¹³ Здесь и далее в примерах в скобки берется та часть словоформы / аллофоны, которые произносятся с интерференцией как диафоны.

2.3.3. Краткий гласный, находящийся в открытом слоге в абсолютном конце слова, в редких случаях произносится как полудолгий гласный в соответствии с немецким литературным произношением:

- (25) рус. *страсти* /stra.sʲtʲi/ > инт. [stra.sti·];
рус. *водка* /'vo.tkʌ/ > инт. ['vɔtʰ.kʰa·].

Что касается произнесения слова *водка* с полудолгим [a·], то интервьюируемый быстро исправляется (очевидно поняв, что произнес слово с полностью немецким вокализмом и консонантизмом) и произносит его повторно – с кратким [ʌ]: рус. *водка* /'vo.tkʌ/ = неинт. ['vo.tkʌ].

2.4. Прочие фонетические явления, которые встречаются в русской речи интервьюируемого, не связаны напрямую с интерференционными феноменами, описанными выше, но очевидно «выдают» иноязычный акцент говорящего.

2.4.1. В русском литературном произношении в словах типа *чувствовать* происходит упрощение группы корневых согласных (в которую на письме входят непроезносимые согласные). Интервьюируемый же произносит непроезносимую согласную, в чем может также выражаться влияние письма на устную речь не-носителя русского языка:

- (26) рус. *чувствовались* /'tʃʊ.stvʌ.vʌ.ʲɪ.sʲi/ >
инт. ['tʃuf.stvʌ.vʌ.lɪs].

Однако такой речевой результат является следствием самоисправления (после правильного произнесения начала словоформы), т.е. эта часть фразы в речи интервьюируемого выглядела следующим образом:

- (27) инт. *чувств...*¹⁴ *чувствовались* ['tʃʊst...
'tʃuf.stvʌ.vʌ.lɪs].

2.4.2. На границе слов – в двух сочетаниях предлога *к* с существительным, начинающимся аллофоном /k/, – гемината /k:/ произносится как двухвершинный согласный диафон, в результате чего «слоговая граница воспринимается в середине смычки» [Гордина 1973: 85] (см. также [Так 1989: 52; Щерба 1963: 79]), а первая часть этого двухвершинного согласного становится слоговой и получает побочное ударение:

- (28) рус. *к коммунизму* /k:ʌ.mu.'nʲi.zmu/ >
инт. ['kʰ.kʰʌ.mu.'nʲi.zmu];
рус. *к краху* /k:ra.xu/ > инт. ['kʰ.'kʰra.xu].

В таком произнесении мы, возможно, усматриваем влияние современного произнесения предлогов, состоящих только из одного согласного, – до сих пор не соответствующего русской орфоэпической норме, но весьма часто слышимого в русскоязычных медиа. Для данной тенденции характерно внедрение между таким предлогом и следующей за ним словоформой *шва*, и его становление в ударную позицию: *к коммунизму* ['kʰ.kʌ.mu.'nʲi.zmu].

2.4.3. Два раза в одной и той же словоформе в соседних фразах неогубленный гласный переднего ряда нижнего подъема /a/ произносится интервьюируемым как *шва* [ə], хотя этот аллофон не должен представлять трудности для носителя немецкого языка:

- (29) рус. *парни* /'pa.rnʲi/ > инт. ['pə.rnɪ].

3. Лексическая и словообразовательная интерференция.

3.1. Диалексия в сфере числительных.

Самым показательным явлением диалексии в паре *родной немецкий – выученный русский язык*, и наоборот, в паре *родной русский – выученный немецкий язык* являются, на наш взгляд, числительные. Так, при овладении неродным языком инофон сначала «должен пройти через ступень опосредованного владения иностранным языком; опосредствующим звеном здесь выступает "родная" система правил <...>. В дальнейшем эта опосредствующая система правил все больше редуцируется <...>, что соответствует относительно полному владению иностранным языком или, как выражался <...> Б. В. Беляев, "мышлению на иностранном языке"» [Леонтьев 1999: 223] (см. также [Беляев 1965: 36–54]). Переход же на правила неродного языка и выработка умения мыслить на нем происходит, в частности, путем формирования «принципиально новых навыков, несвойственных родному языку или(и) языку, изучавшемуся ранее» [Леонтьев 1999: 223], прежде всего – навыка соотношения экстралингвистических понятий со словами. При этом общее понятие количества, с одной стороны, и его конкретные числовые содержания, обозначаемые числительными, с другой, по способу иноязычного мышления

¹⁴ Здесь и далее в примерах зачеркиванием обозначаются самоисправления интервьюируемого.

при синтезированном билингвизме кардинально отличаются от слов других частей речи. Это подтверждается преподавательским и переводческим опытом авторов данной статьи:

- понятие количества, а именно дихотомия *один – больше одного* как языковая универсалия, не вызывает никаких трудностей для перехода к иноязычному мышлению;
- числовые содержания, выражаемые числительными от *один* до *двадцать* и простыми числительными типа *тридцать, сорок, сто, тысяча* и т.п., воспринимаются на слух легко и не препятствуют мышлению на иностранном языке;
- сложные числительные типа *двадцать один, сто тринадцать, тысяча девятьсот восемьдесят пять* и т.п. сложны для восприятия на слух и зачастую мыслятся только на родном языке¹⁵ и произносятся на иностранном языке – даже при очень высоком уровне владения последним – через внутренний самоперевод. Так, интервьюируемый начал произносить год своего рождения неправильно, но затем исправился:

(30) инт. *Вот я родился в сорок... шестьдесят четвертом году.* <¹⁶ рус. *Вот я родился в шестьдесят четвертом году.*

Тем самым интервьюируемый начал называть свой год рождения как *сорок шестой*: немецкие числительные, обозначающие десятки с единицами, образуются с обратным русскому порядку их называния. Буквальное следование компонентов числительного *vierundsechzig* мы покажем с помощью лейпцигской системы нотации:

нем. *vier-und-sechzig*
четыре-и-шестьдесят
'шестьдесят четыре'

Такая ошибка в устной речи достаточно распространена как у носителей немецкого, так и русского языка, говорящих соответственно на неродном русском или немецком. Однако, как правило, они сразу же исправляют неверно сказанное. Ту же ошибку допускает интервьюируемый и сразу, не назвав числительное полностью, ошибку исправляет.

3.2. Диалексия в сфере фразеологизмов и устойчивых словесных комплексов нефразеологического типа.

Фактором, провоцирующим интерференцию, являются также фразеологизмы и устойчивые словесные комплексы нефразеологического типа, при употреблении которых в речи на неродном языке часто происходит буквальный (либо частичный буквальный) перевод с родного языка. Так, интервьюируемый пытается употребить в своей русской речи всего один фразеологизм, и в нем имеет место диалексия:

(31) инт. *Кто-то пилит на их власти.* <
рус. *Кто-то хочет лишить их власти.*

Фразеологический диалекс *пилить на чьей-либо власти* представляет собой частичный буквальный перевод немецкого фразеологизма *an jemandes Stuhl sägen* 'стремиться лишить кого-либо власти', покомпонентное значение которого с помощью лейпцигской системы нотации выглядит следующим образом:

нем. *an ihrem Stuhl sägen*
на их стуле пилить
'стремиться их лишить власти'

Интерференция имеет место также при употреблении одного устойчивого словесного комплекса нефразеологического типа:

(32) инт. *Он думал, что по такому пути можно спасти систему.* < рус. *Он думал, что таким путем можно спасти систему.*

Здесь происходит полный буквальный перевод, т.к. в немецком языке в соответствующем словесном комплексе требуется предлог, который и возникает в русской речи интервьюируемого:

нем. *auf solche Weise*
по такому пути
'таким путем / таким способом'

3.3. Диалексия в сфере терминов.

В двух случаях интервьюируемый использует термины, которые обозначают политические реалии

¹⁵ Ср.: «Числовые значения отражают специфику математического мышления, в котором числа не отягощены связью с предметами» [Шарандин 2021: 149], точнее – связью с понятиями, кроме понятий *один* и *больше одного*.

¹⁶ Здесь и далее в примерах знак левонаправленной треугольной стрелки используется для обозначения диалексного и диаморфного изменения, т.е. перехода русской словоформы / алломорфа в интерферируемый диалекс / диаморф (анализируемое выделяется жирным шрифтом).

ГДР и в русском языке оказываются для него терминологическими лакунами. В результате и здесь проявляется диалексия – буквальный их перевод с родного немецкого языка на русский.

3.3.1. Диалексия ввиду частичного буквального перевода имеет место со следующим историко-политическим термином:

- (33) инт. **антифашистская демократическая преграда** < рус. **антифашистский оборонительный вал**.

Его покомпонентное значение по лейпцигской системе нотации:

нем. <i>antifaschistisch-demokratischer Schutzwall</i>	
антифашистско-	защитный вал
демократический	
'антифашистский оборонительный вал'	

При этом немецкий термин в памяти интервьюируемого сохранился неточно: во-первых, интервьюер подсказывает слово *вал* (вместо употребленного интервьюируемым *преграда*), которое в свою очередь также неточно, поскольку, во-вторых, немецкий термин-клише для политического (по сути – эвфемистического) обозначения Берлинской стены – *antifaschistischer Schutzwall*¹⁷ 'антифашистский защитный вал', его русский калькированный эквивалент – **антифашистский оборонительный вал**.

3.3.2. Диалексия имеет также место с историко-политическим термином, относящимся ко времени падения Берлинской стены и после ее падения, который интервьюируемый пытается использовать дважды – и оба раза неправильно. В первом случае он прибегает к описательному (небуквальному) переводу немецкого термина *Wende* (нетерминологическое лексическое значение – 'поворот в событии/ в развитии событий, рубежный/ поворотный момент'; буквально: *перемена*). Во втором – предположительно, путает слова *поворот* и *переворот*:

- (34) инт. **Перемена** < рус. **демократическая революция**¹⁸;
инт. **политический переворот** < рус. **демократическая революция**.

3.3.3. Это же немецкое существительное *Wende* уже в нетерминологическом значении также мыслится интервьюируемым в следующей фразе и провоцирует диалексию:

- (35) инт. *Он хотел спасти систему путем, скажем, **экономического переворота**, этот **переворот** назывался «Перестройка».* < рус. *Он хотел спасти систему путем, скажем, **экономических перемен**, эти перемены назывались «Перестройка».*

3.4. Диалексия в сфере лексических синонимов.

3.4.1. В двух случаях лексическая интерференция обуславливается неразличением неполных синонимов русского языка (по крайней мере, в естественной устной речи):

- (36) инт. **возникновение** <...> *такого человека, как Горбачева* < рус. **появление** *такого человека, как Горбачев;*
(37) инт. *Они считали <...>, что это – некоммунистический путь, что это – **дорога к краху** системы.* < рус. *Они считали <...>, что это – некоммунистический путь, что это – **путь к краху** системы.*

Пример (37) доказывает, что интервьюируемый знает оба неполных синонима – *путь* и *дорога*, употребив их в одном предложении, но во второй его части – неправильно (ср. замечание интервьюера после этой реплики: **путь к краху**) ввиду того, что немецкое существительное *Weg* используется в обоих значениях.

3.4.2. В следующем случае диалексия обусловлена соответствием одному немецкому слову двух несинонимичных слов русского языка:

- (38) инт. **момент волнения или возбуждения** < рус. **волнительный момент**.

В данном словосочетании интервьюируемый ошибочно называет оба русских эквивалента немецкого существительного *Aufregung* 'волнение; возбуждение'.

¹⁷ Erst Sicherheit! *Neues Deutschland*. 05.12.1961. URL: <https://www.nd-archiv.de/ausgabe/1961-12-05> (accessed 29 Mar 2025).

¹⁸ В российской науке название этого периода в истории Германии и ГДР варьируется: употребляется как буквальный перевод немецкого существительного-термина *Wende*, т.е. «*поворот*» (часто в кавычках) [История Германии... 2008: 519], так и описательные терминологические сочетания – *демократическая революция* [История Германии... 2008: 518, 534] и *мирная революция* [Степанов 2012: 35].

3.5. Диалексия в сфере словообразования.

3.5.1. В двух случаях интерференция в естественной устной речи интервьюируемого обуславливается неразличением слов – производящего и производного, имеющих отличные значения:

- (39) инт. Я вырос именно в ГДР, где, скажем, все все-таки было очень дисциплинированно, очень **порядочно**. < рус. Я вырос именно в ГДР, где, скажем, все все-таки было очень дисциплинированно, очень **чисто** / **аккуратно**.

Диалекс *порядочно* очевидно является буквальным соответствием немецкому наречию *ordentlich*, которому, в частности, соответствуют и русские *чисто*, *аккуратно* и *порядочно*. Схема интерференции здесь может быть такой: немецкое наречие *ordentlich* образовано от существительного *Ordnung* – ‘порядок’, следовательно, от русского существительного *порядок* – ‘правильное, налаженное состояние’ может быть образовано однокоренное наречие *порядочно* со значением ‘соответственно правильному, налаженному состоянию’.

Второй случай связан с неразличением двух имеющих разное значение возвратных глаголов: *чувствоваться* и *чувствовать себя*. Такая диалексия объясняется тем, что немецким возвратным глаголам, которые образуются присоединением возвратного местоимения *sich*, с высокой частотностью соответствуют русские возвратные глаголы, которые образуются присоединением постфикса -ся, ср.: *sich waschen* со значением ‘мыться’ – рус. *мыться*, нем. *sich prügeln* со значением ‘драться’ – рус. *драться*:

- (40) инт. Мы не **чувствовались** чужими.
Чувствовались своими. < рус. Мы не **чувствовали себя** чужими. **Чувствовали себя** своими.

Здесь интерференция может быть объяснена так: нем. *sich fühlen* со значением ‘чувствовать себя’ – рус. *чувствоваться*.

3.5.2. Диалексия имеет место также в словообразовании двух существительных (одно из них – в речи интервьюера, которое, по-нашему мнению, также необходимо привести) по частотным немецким, но нечастотным для соответствующих слов

русского языка словообразовательным моделям. Словообразовательная диалексия объясняется наличием и частотностью такого способа словообразования существительных, как бессуффиксальная субстантивация инфинитивов:

- (41) инт. ограничения **путешествования** < рус. ограничение **поездки**;
(ср. у интервьюера: инт. процесс **воспитывания** < рус. процесс **воспитания**).

Проиллюстрируем схему интерференции методом лейпцигской системы нотации:

нем. <i>Beschränkung des</i>	Reisens
ограничение DEF.GEN.SG ¹⁹	путешествования.
	SUBSTINF.GEN.SG
‘ограничение поездки’	

Существительное *Reisen* ‘поездка / путешествие (процесс поездки / путешествия)’ образовано субстантивацией инфинитива *reisen* ‘ездить / путешествовать’, т.е. диалекс *путешествование* также образован путем суффиксальной субстантивации инфинитива *путешествовать* по русской модели, не характерной для данного глагола, но возможной окказионально, в частности в естественной устной речи. Национальный корпус русского языка [см. также: Савчук и др. 2024] выдает лишь два текста с этим словом в двух формах: *путешествование в одиночку* и *задача обучения путешествию* (словоформ же существительного *воспитывание* больше: корпус дает 36 примеров в 18 текстах)²⁰.

3.6. Прочие лексические явления, связанные с немецко-русской интерференцией.

Диалексия проявляется также в редком использовании интервьюируемым немецкой частицы *ähm*, которая выступает в функции дискурсивного слова – эмотивно нейтрального заполнителя пауз типа русских частиц э или ну, которую кириллицей можно записать как эм и которая на слух воспринимается как немецкое [‘?ε:m].

4. Грамматическая интерференция.

Грамматическая диаморфия, как и лексическая, и словообразовательная диалексия, немногочисленна – зафиксировано всего девять случаев.

¹⁹ Здесь и далее в нотациях используются следующие грамматические пометы: ACC – аккузатив; ADV – наречие; CONJ – союз; DEF – определенный артикль; GEN – генитив; INDEF – неопределенный артикль; NOM – номинатив; PL – множественное число; SG – единственное число; SUBSTINF – субстантивированный инфинитив.

²⁰ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 29.03.2025).

4.1. Диаморфия в сфере словоизменения (три случая) сводится к образованию словоформ по немецкой модели, а именно:

4.1.1. Неправильное употребление падежа при глаголе *быть* и *быть* с отрицанием *не*:

- (42) инт. *Большие сомнения* у меня **не было** на этот счет. < рус. *Больших сомнений* у меня **не было** на этот счет.

Здесь ошибку можно объяснить как неразличением падежей при *быть* и *не быть*, так и немецко-русской интерференцией, при которой глагол *быть* и словосочетание *большие сомнения* мыслятся интервьюируемым расчлененно, т.е. русскому *не быть* (+генитив) соответствует немецкий *haben* 'иметь' (+аккузатив):

нем.	<i>Große Zweifel</i>	<i>hatte</i>	<i>ich</i>	<i>nicht</i> .
	Большие сомнения.	имел	я	не.
	ACC			
	'Больших сомнений у меня не было'.			

- (43) инт. *Советский Союз был* для нас **противоречивая страна**. < рус. *Советский Союз был* для нас **противоречивой страной**.

В этом случае диаморфия объясняется употреблением исключительно номинатива в именной части сказуемого с глаголом-связкой *быть*:

нем.	<i>Die Sowjetunion</i>	<i>war</i>	<i>ein widersprüchliches Land.</i>
DEF	Советский Союз.NOM	был	INDEF.NOM.SG
	'Советский Союз был противоречивой страной'.		

4.1.2. Неразличение форм винительного падежа одушевленных и неодушевленных существительных:

- (44) инт. *мы смотрели на западные гости* < рус. *мы смотрели на западных гостей*.

Здесь интервьюируемый правильно выбирает в своей русской речи предлог *на*, но интерференция выражается в диаморфном употреблении словоформ в аккузативе, совпадающем с номинативом (как в немецком языке, который в склонении имен не руководствуется категорией одушевленности / неодушевленности):

нем.	<i>wir sahen auf</i>	westliche Besucher
мы	смотрели на	западные гости.
		ACC.PL = NOM.PL
	'мы смотрели на западных гостей'	

4.2. Диаморфия в сфере управления (два случая).

В первом случае предложение составлено по немецкому образцу, и в нем неправильно использовано глагольное управление:

- (45) инт. *Люди придерживались ко всем правилам*. < рус. *Люди придерживались всех правил*.

Так, на месте требуемого в русском беспредложного управления – предложное, как в родном для интервьюируемого немецком языке:

нем.	<i>Die Leute</i>	<i>hielten</i>	<i>an</i>	<i>alle Regeln.</i>
DEF	Люди	придер- живались	к / ко	все пра- вила.
			ACC	
	‘Люди придерживались всех правил’.			

Во втором – предлог *на* обусловлен немецким интерференционным влиянием, где в аналогичном сочетании используется предлог *auf* (нем. *auf Wikipedia*):

- (46) инт. *на Википедии* < рус. *в Википедии*.

4.3. Диаморфия в сфере глагольного вида (три случая).

Интервьюируемый ошибается в использовании глагольного вида, употребляя несовершенный вид

вместо совершенного:

- (47) инт. *Туда ехать было нельзя*. < рус. *Туда поехать было нельзя*;
(48) инт. *Его просто невозможно было доставать*. < рус. *Его просто невозможно было достать*.

Ошибки в использовании глагольного вида также вполне объяснимы интерференцией: отсутствие такового в немецком языке вызывает в первую очередь желание применить несовершенный вид там, где может требоваться совершенный. Следует отметить, что во всех высказываниях, кроме указанных в статье, интервьюируемый употребляет глагольный вид верно. В этом отношении показательно следующее высказывание, в котором говорящий исправляется, употребляя после неправильной видовой формы правильную:

- (49) инт. *Появлялись* – потом – *появились* талоны на сахар. < рус. *Появились* – потом – талоны на сахар.

4.4. Диаморфия в сфере частей речи (один случай):

- (50) инт. *Жизнь оказалась совсем не так, как нам, как мне говорили родственники.* < рус. *Жизнь оказалась совсем не такой, как нам, как мне говорили родственники.*

Проиллюстрируем диаморфию с помощью лейпцигской системы нотации:

нем.	<i>Das Leben</i>	<i>war</i>	<i>nicht</i>	<i>so,</i>	<i>wie</i>	<i>wie man es uns erzählt hatte.</i>
	Жизнь	была	не	так.ADV	как.CONJ	нам это ранее рассказывали.
	'Жизнь оказалась не такой, как нам рассказывали'.					

В данном высказывании вместо указательного местоимения-прилагательного *такой* интервьюируемый употребляет, как в родном ему немецком, указательное местоимение-наречие *так*.

Релевантность материала, используемого в статье, для преподавания иностранных языков не подлежит сомнению, ведь видеохостинги, «социальные сети как средство обучения иностранным языкам стали объектом исследований многих <...> преподавателей. Они являются частью современной цифровой образовательной среды – комплекса отношений в образовательной деятельности, способствующего реализации образовательного процесса, самореализации, выстраиванию социальных отношений [Шилова 2020]» [по: Ласукова, Рабкина 2022: 9].

В то же время изучение интерференции также имеет не только фундаментальную языковедческую значимость, но и практический лингводидактический потенциал, поскольку: а) с фундаментальной точки зрения интерференционная ошибка, межъязычие проявляются «только через вербализованные факты, анализ этих фактов, их систематизация позволяют реконструировать как особенности индивидуального межъязычия, так и основные черты коллективного межъязычия» [Дебрэнн 2007: 12]; б) с прикладной точки зрения анализ интерференционных ошибок имеет диагностическую релевантность в преподавании [Nickel 1971: 211].

Один из авторов настоящей статьи на протяжении нескольких десятилетий практикует в преподавании немецкой фонетики, наряду с традиционными методами, обучение через произнесение русских

слов и текстов с немецкой фонетикой, т.е. имитируя немецко-русскую интерференцию. Материалом такого обучения служит первая строфа из стихотворения В. В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?»: преподаватель в замедленном темпе, построчно (иногда по словам) произносит текст, обучающиеся повторяют или пытаются повторить за ним немецкое произнесение. Такой рабочий эксперимент был проведен с 19 добровольно вызвавшимися студентами 1 курса специалитета «Перевод и переводоведение» Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, которые вообще не владели немецким языком либо

обладали минимальными, или базовыми знаниями из школьного курса второго иностранного языка. Оценивание – исключительно для целей настоящей статьи (о чем студенты были предупреждены) – производилось по пятибалльной шкале (в школьных отметках), причем на слух учитывалась степень «немецкости» произнесения, включая интонирование. Из 19 участников рабочего эксперимента: полностью, на 5 баллов, справились с заданием двое (10,5 %), на 4 балла – четверо (21,1 %), на 3 – четверо (21,1 %), на 2 – семеро (36,8 %), на 1²¹ – двое (10,5 %). Таким образом, более половины – 10 участников (52,6 %) – выполнили задание на немецкое произнесение русского текста успешно. Это, по нашему мнению, подчеркивает применимость такой методики обучения иноязычному произношению и лингводидактическую значимость описанного нами исследования.

Заключение

Интервьюируемый носитель немецкого языка, дающий предназначенное для русской аудитории интернет-интервью исключительно на русском языке, показывает владение русским языком на уровне C2 (уровень образованного носителя), в связи с чем интервьюируемый может быть назван билингом с синтезированным билингвизмом.

Число интерференционных ошибок на минуту речи интервьюируемого незначительное (в среднем 1,05). Основное число обусловленных немецко-русской интерференцией ошибок составляют диафонные (в среднем 0,77), причем они не влияют

²¹ Один из участников – русско-азербайджанский билингв, в речи которого прослеживалась некоторая азербайджанская диафония.

на понимание речи слушающими, как и диаморфные ошибки (в среднем 0,25). Несущественно осложняют понимание речи только три диалектные ошибки (в среднем 0,03).

По степени убывания интерференционные ошибки в речи интервьюируемого располагаются в следующем порядке: фонетическая (60 случаев, или 73,1 %), лексическая и словообразовательная (13 случаев, или 15,9 %), грамматическая (9 случаев, или 11,0 %) интерференция.

Релевантность выбранного для статьи материала – интернет-интервью – обуславливается тем, что, во-первых, он может использоваться как часть современной цифровой образовательной среды. Во-вторых, исследования интерференции имеют не только фундаментальную языковедческую значимость, т.к. они проливают свет, в частности, на основные черты коллективного билингвизма,

но и прикладную лингводидактическую значимость, поскольку анализ интерференции имеет диагностическую релевантность в преподавании и изучении иностранных языков.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Беляев Б. В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 1965. 229 с. [Belyaev B. V. *Essays on the psychology of foreign language learning*. Moscow: Prosveshchenie, 1965, 229. (In Russ.)]
- Богородицкий В. А. Введение в изучение современных романских и германских языков. 2-е изд. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 184 с. [Bogoroditskiy V. A. *Introduction to the study of modern Romance and Germanic languages*. 2nd ed. Moscow: Izd-vo lit. na inostr. yaz., 1959, 184. (In Russ.)]
- Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. СПб.: СПбГУ, 1991. 152 с. [Bondarko L. V., Verbitskaya L. A., Gordina M. V. *Fundamentals of general phonetics*. St. Petersburg: SPbU, 1991, 152. (In Russ.)]
- Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. In: Вайнрайх У. *Новое в лингвистике. Выпуск VI. Языковые контакты*. М.: Прогресс, 1972. С. 25–60. [Weinreich U. Monolingualism and multilingualism. In: Weinreich U. *New in linguistics. Issue VI. Language contacts*. Moscow: Progress, 1972, 25–60. (In Russ.)]
- Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. 264 с. [Weinreich U. *Languages in contact: Findings and problems*. Kiev: Vyshcha shkola, 1979, 264. (In Russ.)]
- Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 162 с. [Vereshchagin E. M. *Psychological and methodological characteristics of bilingualism*. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2014, 162. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylqlzh>
- Виноградов В. А. Интерференция. *Лингвистический энциклопедический словарь*, гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 197. [Vinogradov V. A. *Interference*. *Linguistic encyclopedic dictionary*, ed. Yartseva V. N. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990, p. 197. (In Russ.)]
- Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Просвещение, 1989. 288 с. [Gak V. G. *Comparative typology of the French and Russian languages*. Moscow: Prosveshchenie, 1989, 288. (In Russ.)]
- Голев Н. Д. Аксиология ментально-коммуникативного плана современной виртуальной педагогической коммуникации: дискуссионные заметки. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2023. Т. 2. № 4. С. 204–214. [Golev N. D. Cognitive and communicative axiology of modern virtual pedagogical communication: Notes for discussion. *Virtual Communication and Social Networks*, 2023, 2(4): 204–214. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-4-204-214>
- Голев Н. Д. Социальные сети как актуальный объект междисциплинарного научного изучения. *Социальные сети: комплексный лингвистический анализ*, науч. ред. Н. Д. Голев, отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово: КемГУ, 2021. Т. 1. С. 5–9. [Golev N. D. Social networks as a relevant issue of interdisciplinary scientific study. *Social networks: Complex linguistic analysis*, eds. Golev N. D., Kim L. G. Kemerovo: KemSU, 2021, vol. 1, 5–9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/glmauk>

- Голев Н. Д., Ким Л. Г. Диктумно-модусный плюрализм виртуального диалогического дискурса (на материале интернет-комментариев). *Медиалингвистика*. 2023. Т. 10. № 1. С. 4–26. [Golev N. D., Kim L. G. Dictum-modus pluralism in virtual dialogic discourse (based on Internet comments). *Media Linguistics*, 2023, 10(1): 4–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.101>
- Гордина М. В. Фонетика французского языка. Л.: Ленинградский университет, 1973. 208 с. [Gordina M. V. *Phonetics of the French language*. Leningrad: Leningradskij universitet, 1973, 208. (In Russ.)]
- Дебрэнн М. Межъязыковая девиатология: ошибки порождения и понимания. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2007. Т. 5. № 1. С. 12–19. [Debrenne M. Interlanguage deviatology: Errors of generation and understanding. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2007, 5(1): 12–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hyhzgf>
- Зограф Г. А. Многоязычие. *Лингвистический энциклопедический словарь*, гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 303. [Zograf G. A. Multilingualism. *Linguistic encyclopedic dictionary*, ed. Yartseva V. N. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990, p. 303. (In Russ.)]
- История Германии. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века, общ. ред. Б. Бонвеч, Ю. В. Галактионов. М.: КДУ, 2008. 672 с. [*History of Germany. Vol. 2. From the establishment of the German Empire to the early 21st century*, eds. Bonwetsch B., Galaktionov Yu. V. Moscow: KDU, 2008, 672. (In Russ.)]
- Кудлик Е. С., Антонова А. Б. «Говорить как русские»: к вопросу об актуальности преподавания дискурсивных слов иностранным студентам-лингвистам. *Baikal Research Journal*. 2018. Т. 9. № 1. [Kudlik E. S., Antonova A. B. "Speaking like Russians": On issue of timeliness of teaching discursive words to foreign linguistic students. *Baikal Research Journal*, 2018, 9(1). (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2018.9\(1\).13](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2018.9(1).13)
- Ласукова Н. А., Рабкина Н. В. Обзор публикаций о роли социальных сетей и мессенджеров в обучении иностранному языку. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2022. Т. 1. № 1. С. 8–14. [Lasukova N. A., Rabkina N. V. Social nets and messengers in teaching foreign languages. *Virtual Communication and Social Networks*, 2022, 1(1): 8–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pydvep>
- Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 288 с. [Leontyev A. A. *Fundamentals of psycholinguistics*. Moscow: Smysl, 1999, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bzmqbj>
- Русская грамматика. Т. I: фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология, гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 784 с. [*The Russian grammar. Vol. I: Phonetics, phonology, stress, intonation, word formation, and morphology*, ed. Shvedova N. Yu. Moscow: Nauka, 1980, 784. (In Russ.)]
- Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Дони́на О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. *Вопросы языкознания*. 2024. № 2. С. 7–34. [Savchuk S. O., Arkhangelskiy T. A., Bonch-Osmolovskaya A. A., Donina O. V., Kuznetsova Yu. N., Lyashevskaya O. N., Orekhov B. V., Podryadchikova M. V. Russian National Corpus 2.0: New opportunities and development prospects. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, (2): 7–34. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2024.2.7-34>
- Селиванов Н. Л. Компьютерная педагогика. Концептуальные основы новой науки. *Педагогика искусства*. 2009. № 4. С. 114–119. [Selivanov N. L. Computer pedagogy. The conceptual bases of new science. *Pedagogika iskusstva*, 2009, (4): 114–119. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kyxhel>
- Степанов Г. В. Политическое самосознание молодежи ГДР накануне мирной революции 1989–1990 гг. *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2012. № 2-1. С. 35–39. [Stepanov G. V. The political self-consciousness of the GDR-youth on the eve of peaceful revolution of 1989th–1990th. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (2-1): 35–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcdgax>
- Хауген Э. Языковой контакт. *Новое в лингвистике. Выпуск VI. Языковые контакты*, ред. В. Ю. Розенцвейг. М.: Прогресс, 1972. С. 61–80. [Haugen E. Language Contact. *New in linguistics. Iss. VI. Language contacts*, ed. Rozenczvejg V. Yu. Moscow: Progress, 1972, 61–80. (In Russ.)]
- Шарандин А. Л. Категория репрезентации числительного. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2021. Т. 20. № 6. С. 146–157. [Sharandin A. L. The category of representation of the numeral. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2021, 20(6): 146–157. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.13>

- Шилова О. Н. Цифровая образовательная среда: педагогический взгляд. *Человек и образование*. 2020. № 2. С. 36–41. [Shilova O. N. Digital learning environment: Pedagogical comprehension. *Chelovek i obrazovanie*, 2020, (2): 36–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pmmjvn>
- Шляхов В. И., Агафонова К. Е. Дискурсивные слова в текстах. Учим понимать и применять дискурсивные слова в речевом взаимодействии. *Русский язык за рубежом*. 2022. № 1. С. 32–39. [Shlyakhov V. I., Agafonova K. E. Discursive words in speech communication: Understanding and using discursive idioms. *Russian Language Abroad*, 2022, (1): 32–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37632/PI.2022.290.1.004>
- Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским. М.: Высшая школа, 1963. 309 с. [Shcherba L. V. *French phonetics. An outline of French pronunciation in comparison with Russian*. Moscow: Vysshaya shkola, 1963, 309. (In Russ.)]
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с. [Shcherba L. V. *Language system and speech activity*. Leningrad: Nauka, 1974, 428. (In Russ.)]
- Nickel G. Kontrastive Sprachwissenschaft und Fehleranalyse. *Fragen der strukturellen Syntax und der kontrastiven Grammatik*, ed. Hugo M. Düsseldorf: Schwann, 1971, 210–217.
- Veijonen J. *Zur Fehleranalyse. Eine empirische Untersuchung von Wortstellungs- und Verbrektionsfehlern in deutschen Aufsätzen finnischer Gymnasiasten*. Tampere: Universität Tampere, 2008, 87.